

В юбилейный год историографа Научно-исследовательским институтом истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина подготовлен к изданию сборник «Тебе, наш чистый, добрый гений...». Поэтическое приношение Николаю Михайловичу Карамзину от благодарных симбирян» (составитель и автор комментариев кандидат филологических наук А.П. Рассадин). В него вошла избранная лирика нашего великого земляка, а также стихи поэтов XIX века, так или иначе к нему обращённые и тематически связанные с «Историей государства Российского». Вниманию читателей предлагаются несколько произведений, собранных в этой книге.

М. Клодт.
Волга под Симбирском.
1881

Избранное

Из лирики Н.М. Карамзина

ВОЛГА

Река священнейшая в мире,
Кристалльных вод царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга! величать,
Богиней песни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струн моих,
Под шумом гордых волн твоих –
Их тонкой пеной орошаясь,
Прохладой в сердце освежаясь –
Хвалить красу твоих берегов,
Где грады, *веси* процветают,
Поля волнистые сияют
Под тению густых лесов,
В которых *древле* раздавался
Единый страшный рёв зверей
И эхом век не повторялся
Любезный слуху глас людей, –
Берегов, где прежде обитали
Орды Златяя племена;
Где стрелы в воздухе свистали
И где неверных знамена
Нередко кровью обагрялись
Святых, но слабых христиан;
Где *враги* трупами питались
Несчастных древних россиян;
Но где теперь одной державы
Народы в тишине живут
И все одну богиню чтут,
Богиню счастья и славы¹,
Где в первый раз открыл я взор,

Небесным светом озарился
И чувством жизни наслаждался;
Где птичек нежных громкий хор
Воспел рождение младенца;
Где я Природу полюбил,
Ей первенцы души и сердца –
Слезу, улыбку – посвятил
И рос в веселии невинном,
Как юный мирт в лесу пустынном?
Дерзну ли петь, о мать река!
Как ты, красуясь в течение
По злату чистого песка,
Несёшь земли благословенье?
На серебряном хребте своём,
Везде щедроты разливаешь,
Везде страны обогащаешь
В блистательном пути твоём;
Как быстро плаватель бесстрашный
Летит на парусных крылах
Среди пучин стихии влажной,
В твоих лазоревых зыбях,
Хваля свой жребий, милость неба,
Хваля благоприятный ветер,
И как, прелъщённый светом Феба,
Со дна подьёмлетса осетр,
Играет наверху с волнами,
С твоими пенными буграми,
И плёсом рассекает их?
Когда ж под тучами со гневом,
С ужасным шумом, грозным ревом
Начнёшь кипеть в берегах своих,

Как вихри воздух раздраают,
Как громы с треском ударяют
И молнии шипят в волнах,
Когда пловцы, спастись не чая
И к небу руки простирая,
Хлад смерти чувствуют в сердцах, –
Какая кисть дерзнёт представить
Великость зрелища сего?
Какая песнь возможет славить
Ужасность гнева твоего?..
Едва и сам я в летах нежных,
Во цвете радостной весны,
Не кончил дней в водах мятежных
Твоей, о Волга! глубины.
Уже без ветрил, без кормила
По безднам бура нас носила;
Гребец от страха цепенел;
Уже зияла хлябь под нами
Своими пенными устами;
Надежды луч в душах бледнел;
Уже я с жизнью прощался,
С её прекрасною зарей;
В тоске слезами обливался
И ждал погибели своей...
Но вдруг творец изрёк *спасенье* –
Утихло бурное волнение,
И брег с улыбкой нам предстал.
Какой восторг! какая радость!
Я землю страстно лобызал
И чувствовал всю жизни сладость.
Сколь ты в величии своём,

О Волга! яростна, ужасна,
 Столь в благодати мила, прекрасна:
 Ты образ божий в мире сем!
 Теки, Россию украшая;
 Шуми, священная река,
 Свою великость прославляя,
 Доколе времени рука
 Не истощит твоей пучины...
 Увы! сей горестной судьбины
 И ты не можешь избежать!
И ты должна свой век скончать!
 Но прежде многие народы
 Истлеют, превратятся в прах,
 И блеск цветущия Природы
 Померкнет на твоих берегах.³

1793

¹ Писано в царствование Екатерины.

² То есть суда с хлебом и с другими плодами земли

³ Мысль, что Природа стареется, есть не только пиитическая мысль; самые философы и натуралисты не отвергают её.

Примечания:

Впервые опубликовано в альманахе «Аглая, издание Н.М. Карамзина», 1794, кн. 1.

Веси (устар.) – небольшие поселения, деревни

Древле (устар.) – некогда, когда-то, в древности, давно, в старину.

Орды Златыя племена – в Золотой Орде проживали тюркские, славянские, финно-угорские, северокавказские народы.

Вран (устар.) – ворон.

Писано в царствование Екатерины – Екатерина II Алексеевна Великая – императрица Всероссийская (с 1762-го по 1796 год).

МОЛИТВА О ДОЖДЕ

Мать любезная, Природа!
 От лазоревого свода
 Дождь шумящий ниспошли
 Оросить лице земли!

Всё томится, унывает;
 Зелень в поле увядает;
 Сохнет травка и цветок –
 Нежный ландыш, василёк
 Пылью серою покрыты,
 Не питает их роса...
 Дети матерью забыты!

Солнце жжёт, палит леса.
 Птички в рощах замолчали;
 Ищут только холодка.
 Ручейки журчать престали;
 Истощилась река.
Агнец пищи не находит:
 Черен холм и черен дол.
 Конь в степи печально бродит;
 Тощ и слаб ревуший вол.

Ах! такой ли ждал награды
 Земледелец за труды?
 Гибнут все его плоды!..
 В горькой части без отрады

Он терзается тоской;
 За себя, за чад страдает
 И блестящею слезой
 Хлеб иссохший орошает.
 Дети плачут вместе с ним;
 Игры все немилы им!

Мать любезная, Природа!
 От лазоревого свода
 Дождь шумящий ниспошли
 Оросить лице земли!

Ах! доселе ты внимала
 Крику слабого птенца
 И в печалях утешала
 Наши томные сердца, –
 Неужель теперь забудешь
 В нужде, в скорби чад своих?
 Неужель теперь не будешь
 Нежной матерью для них? –
 Нет, тобою оживятся
 Наши мертвые поля;
 Вновь украсится земля,
 Песни в рощи возвратятся,
 Благодарный *фиммиам*
 Воскурится к небесам!

1793

Примечания:

Впервые опубликовано в книге «Мои безделки, сборник произведений Н.М. Карамзина в стихах и прозе». М., 1794, ч. 2.

Агнец (устар.) – ягнёнок, барашек. Одно из древнейших жертвенных культовых животных.

Фиммиам (греч.) – благовонное вещество для курения, используемое при богослужении.

БЕРЕГ

После бури и волненья,
 Всех опасностей пути,
 Мореходцам нет сомненья
 В пристань мирную войти.

Пусть она и неизвестна!
 Пусть ее на карте нет!
 Мысль, надежда им прелестна
 Там избавиться от бед.

Если ж взором открывают
 На берегу друзей, родных,

О блаженство! восклицают
 И летят в объятья их.

Жизнь! ты море и волненье!
 Смерть! ты пристань и покой!
 Будет там соединенье
 Разлученных здесь волной.

Вижу, вижу... вы маните
 Нас к таинственным брегам!..
 Тени милые! храните
 Место подле вас друзьям!

1802

Примечания:

Впервые опубликовано в «Вестнике Европы», 1802, № 19.

Стихотворение написано на смерть первой жены писателя – Елизаветы Ивановны Карамзиной (Протасовой) (1767–1802), которая в марте 1802 года родила дочь, а в апреле скончалась от послеродовой горячки. Некоторые исследователи полагают, что её именем названа героиня «Бедной Лизы».

О. Кипренский. Бедная Лиза. 1827

Избраннику

Стихи поэтов XIX века, обращённые к Н.М. Карамзину

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852). К Ив.Ив. ДМИТРИЕВУ

Нет, не прошла, певец наш вечно юный,
Твоя пора: твой гений бодр и свеж;
Ты пробудил давно молчаши струны,
И звуки нас пленили те ж.

Нет, никогда ничтожный прах забвенья
Твоим струнам коснуться не дерзнёт;
Невидимо их Гений вдохновенья,
Всегда крылатый, стережёт.

Державина струнам родные, пели
Они дела тех чудных прошлых лет,
Когда везде мы битвами гремели,
И битвам тем дивился свет.

Ты нам воспел: «Как буйные Титаны,
Смутившие Астреи нашей дни,
Её орлом низринуты, пограны;
В прах! В прах! рекла. . . и где они?»

И ныне то ж, певец двух поколений,
Под сединой ты третьему поёшь,
И нам, твоих питомцам вдохновений,
В час славы руку подаёшь.

Я помню дни – магической мечтою
Был для меня тогда разубран свет –
Тогда, явясь, сорвал передо мною
Покров с поэзии поэт.

С задумчивым, безмолвным умилением
Твой голос я подслушивал тогда,
И вопрошал судьбу мою с волнением:
«Наступит ли и мне череда?»

О! в эти дни, как райское виденье,
Был с нами он, теперь уж неземной,

Он, для меня живое провиденье,
Он, с юности товарищ твой.

О! как при нём всё сердце разгоралось!
Как он для нас всю землю украшал!
В младенческой душе его, казалось,
Небесный ангел обитал...

Лежит венец на мраморе могилы;
Ей молится России верный сын;
И будит в нём для дел прекрасных силы
Святое имя: *Карамзин*.

А ты цветы, певец, наш вдохновитель,
Младый душой под снегом старых дней;
И долго будь нам в старости учитель,
Как был во младости своей.

16 октября 1831

О. Кипренский. Портрет Василия Андреевича Жуковского. 1818

Примечания:

Впервые опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1832 год». СПб., 1831. С заглавием «Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву». Поводом для написания произведения послужило стихотворное послание И. Дмитриева «Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы», помещённое в этом же альманахе. Ранее Жуковский написал два стихотворения, связанных с подавлением польского восстания 1830–1831 гг., «Старая песня на новый лад» и «Русская слава».

Как буйные Титаны – Титаны (греч.) – в древнегреческой мифологии дети Урана (неба) и Геи (земли), божества, олицетворявшие стихии природы. Были побеждены и низвергнуты в тартар (преисподнюю) богами-олимпийцами, возглавлявшимися Зевсом.

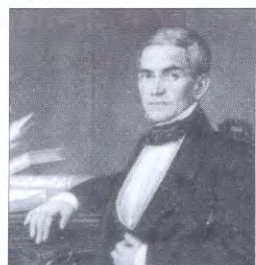
Дмитрий Петрович Ознобишин (1804-1877). СЛЕЗА МОНАРХА

Как волны моря голубые
Бродит палящей молнии свет,
Последний час любимца Клии
Бессмертный озарил рассвет;
О Карамзин, надежд России
В могилу взял ты лучший цвет!
Монарх заплакал над тобою,
И что сравнится с той слезою?

Прелестна роза *Кашемира* –
В ней дышит свежесть и краса!
Чиста дочь светлая эфира
С небес упавшая роса;
Но лучше всех сокровищ мира
Монарха добрая слеза;
Она – душистей роз Ирана,
Светлей *сафиров* Индостана!

Блистай красою несравненной,
Слеза – души великий дар!
Питай в груди воспламенной
К Высокому священный жар.
Вся слава мира – дым мгновенный,
От вод слетевший, тонкий пар;
Но ты пройдёшь сквозь мрак забвенья,
Слеза любви и просвещения.

13 августа 1826

Д.П. Ознобишин. Фотография с портрета 1850-х

Примечания:

При жизни Ознобишина стихотворение не публиковалось. Печатается по изданию: Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. В двух книгах. Книга первая. М., 2001. Как подчеркнута в комментарии к этому изданию, образ идеального государя, страдающего подданным, покровителя наук и просвещения, выдержан в традициях персидско-таджикской поэзии, знатоком которой был Ознобишин.

Кашемир – область на северо-западе полуострова Индостан.
Сафиры – сапфир – драгоценный камень.

Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)

***

Великий день Карамзина
Мы, помяная братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим –
Народный праздник и семейный –

Ф.И. Тютчев.
Фото 1867 года

Какой пошлём тебе привет –
Тебе, наш чистый, добрый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет –

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души, –
Высокой и ко благу страстной

Души, какой твоя была,
Как здесь она ещё боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой –
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший всё совокупить
В ненарушимом полном строе,
Всё человечески-благое,
И русским чувством закрепить –

Умевший, не сгибая *выи*
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподанным России...

1866

Примечания:

Впервые опубликовано в «Вестнике Европы», 1866. Т. IV. Декабрь. Без 4 и 5 строк и с цензурным вариантом последней строки «И до конца служить России». По просьбе Павла Васильевича Анненкова (1813–1887) стихотворение было специально написано для состоявшегося 3 декабря 1866 года в Санкт-Петербурге в Литературном фонде (полное название – Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным) вечера памяти Карамзина. Стихотворение прочитал писатель Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911). Тютчев был в довольно близких отношениях с детьми Николая Михайловича Карамзина.

Выя (устар.) – шея.

Последователи

Стихи поэтов XIX века на темы «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Примите, древние дубравы, –
Под тень свою питомца муз!
Не шумны петь хочу забавы
Не сладости *циттерских* уз;
Но да воззрю с полей широких
На красну, гордую Москву,
Седашу на холмах высоких,
И спящи веки воззову!
В каком ты блеске ныне зрима,
Княжений знаменитых мать!
Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Венец твой перлами украшен;
Алмазный скиптр в твоих руках;
Верхи твоих огромных башен
Сияют в злате, как в лучах;
От Норда, Юга и Востока –
Отсюду быстротой потока
К тебе сокровища текут;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А девы – розами цветут!
Но некогда и ты стенала
Под бременем различных зол;
Едва корону удержала
И свой клонившийся престол;

Едва с лица земного круга
И ты не скрылась от очес!
Сармат простер к тебе длань друга
И остро копие вознес!
Вознес – и храмы воспылали,
На девах цепи зазвучали,
И кровь их братьев потекла!
«Я гибну, гибну! – ты рекла,
Вращая устрaшенно око. –
Спасай меня, о гений мой!»
Увы! молчанье вкруг глубоко,
И меч, висящий над головой!

Иван Иванович Дмитриев

Где ты, славянов храбрых сила!
Проснись, восстань, российска мочь!
Москва в плену, Москва уныла,
Как мрачная осенняя ночь, –
Восстала! всё восколебалось!
И князь, и *рамай*, стар и млад –
Всё в крепку броню ополчалось!
Перуном возблистал булат!
Но кто из тысяч видим мною,
В седилах бодр и сановит?
Он должен быть вождём, главою:
Пожарский то, России щит!
Восторг, восторг я ощущаю!
Пылаю духом и лечу!
Где лира? смело начинаю!
Я подвиг предка петь хочу!
Уже гремят в полях кольчуги;
Далече пыль встает столбом;
Идут России верны слуги;
Несет их вождь, Пожарский, гром!
От кликов рати воют рощи,
Дремавши в мертвой тишине;
Светило дня и звезды ноши
Героя видят на коне;
Летит – и взором луч отрады
В сердца унывшие лиет;

Э. Лисснер. Изгнание польских интервентов из Московского кремля в 1612 году

Летит, как вихрь, и движет грады
И веси за собою вслед!
«Откуда шум?» – приникши ухом,
Рек воин, в думу погружен.
Взглянул – и, бледен, с робким духом
Бросается с кремлевских стен.
«К щитам! к щитам! – зовет сармата, –
Погибель нам минуты: трагата!
Я видел войско *сопостат*:
Как змий, хребет свой изгибает,
Главой уже коснулось врат;
Хвостом всё поле покрывает».
Вдруг *стогны* ратными сперлись –
Мянутся, строятся, делятся,
У врат, бойниц, вокруг стен толпятся;
Другие вихрем понеслись
Славянам и громам навстречу.
И се – зрю зарево кругом,
В дыму и в пламе страшну сечу!
Со звоном сшибся щит с щитом –
И разом сильного не стало!
Ядро во мраке зажужжало,
И целый ряд бесстрашных пал!
Там вождь добычею *Эреве*;
Здесь бурный конь, с копьём во чреве,
Вскочивши на дыбы, заржал
И навзничь грянулся на землю,

Покрывши всадника собой;
Отсюда треск и громы внемлю,
Глушащи скрежет, стон и вой.
Пирует смерть и ужас мечет
Во град, и в доли, и в леса!
Там дева юная трепещет;
Там старец смотрит в небеса
И к хладну сердцу выю клонит;
Там путника страх в дебри гонит,
И ты, о труженик святой,
Живым погrevшийся в могиле,
Еще вспомнил мир земной
При бледном дне твоих светиле;
Вспомнил горесть и слезой
Ланиту бледну орошаешь,
И к богу, сухому с тобой,
Дрожащи руки простираешь!
Трикраты день воссиявал,
Трикраты ночь его сменяла;
Но бой еще не преставал
И смерть руки не утомляла;
Еще Пожарский мечет гром;
Везде летает он орлом –
Там гонит, здесь разит, карает,
Удар ударом умножает,
Коллебя мощь литовских сил.
Сторукий исполин трясется –

Падет – издох! и вопль несется:
«Ура! Пожарский победил!»
И в граде отдалось стократно:
«Ура! Москву Пожарский спас!»
О, утро памятно, приятно!
О, вечно незабвенный час!
Кто даст мне кисть животворящу,
Да радость напишу, горящу
У всех на лицах и в сердцах?
Да яркой *изражу* чертогу
Народ, воскресший на стенах,
На кровах, и с высот к герою
Венки летящи на главу;
И *клир*, победну песнь поющий,
С хоругви в сретенье идущий;
И в *пальмах светлую Москву!*..
Но где герой? куда сокрылся?
Где сонм и князей и бояр?
Откуда звучный клик пустился?
Не царство ль он приметлет в дар? –
О! что я вижу? Победитель,
Москвы, отечества, спаситель,
Забывши древность, подвиг дня
И вокруг него гремящу славу,
Вручает юноше державу,
Пред ним колена преклоня!
«Ты кровь царей! – вещал Пожарский.

Отец твой в узах у врагов;
Прими венец и скипетр царский,
Будь русских радость и покров!
А ты, герой, пребудешь в веки
Их честью, славой, образцом!
Где горы небо прут челом,
Там шумные помчатся реки;
Из благодатных выйдут леса;
В степях возникнут вертоград;
Родятся и исчезнут грады;
Натура новых тьму чудес
Откроет взору изумленну;
Осветит новый луч вселенну –
И воин, от твоей крови,
Тебя вспомнит, возгордится
И паче, паче утвердится
В прямой к отечеству любви!

Лето 1795

Примечания:

Впервые опубликовано в альманахе «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Стихотворный альманах, составленный Н.М. Карамзиным», М., 1797, кн. 2 под названием «Пожарский». По признанию самого поэта, это и ещё одно стихотворение «Послание к Карамзину» («Не скоро ты, мой друг, дождёшься песней новых») были им написаны в родовом поместье, селе Богородском (Троицком) Симбирской губернии. Посвящено освобождению Москвы в 1612 году от польской интервенции народными ополченцами во главе с князем Дмитрием Пожарским (около 1578–1642). О Пожарском Карамзин пишет в 12 томе своей «Истории...».

Цитерские узы – узы любви. Цитера – название острова в Критском море, где в Древней Греции был распространён культ богини красоты и любви Афродиты, также одно из её имён.

Сармат (греч.) – здесь в значении: поляк.

Ратай (устар.) – крестьянин, пахарь.

Сопостат – или супостат. Враг, противник, злодей.

Стogna (устар.) – площадь, широкая улица в городе.

Эреб (греч.) – или Эреб – в древнегреческой мифологии бог мрака, сын Хаоса, брат ночи, а также название преисподней – самая мрачная часть ада.

Изображу – изображаю.

Клип (греч.) – представители духовенства.

С хоругви в сретенье идущий – здесь имеется в виду крестный ход с хоругвями – полотнищами на длинном древке с изображениями Христа, святых и т. п.

И в пальмах светлую Москву – имеется в виду фразеологизм «держать пальму первенства», то есть быть первым.

Вручает юноше державу. Речь идёт об участии Пожарского в избрании на царство Земским собором 21 февраля (3 марта) 1613 г. Михаила Фёдоровича Романова (1596–1645) – первого царя из династии Романовых.

Николай Михайлович Языков (1803–1846). ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь,
ужасную весть?
В рязанские стены
вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась
с насилием честь,
Но всё победили Батыевы рати:
Наш град – пепелище,
и князь наш убит!»
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея,
внимает Евпатий.

«О витязь!
я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня, спрямилось,
как буря, завыло;
На стогнах смертельный
свиристествовал бой,
И крики последних молитв
и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат –
Всё пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана, –
То грозная рать победителя хана
Покоится; тихи воитель и конь;

Николай Михайлович Языков

Лишь изредка,
черной тревожимый грезой,
Татарин вприсонках с собой говорит,
То, вздрогнув, безмолвный,
поднимет свой щит,
То схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот
в ночной тишине?
«На битву, на битву!» –
взывают татары.
Откуда ж свершитель
отчаянной кары?
Не всё ли погребло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна!
под лагами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвую руку подымлет оно
С последним ударом
решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана, –
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных
стесняют кругом;
Сто копий сражаются
с русским копьем...
И пало геройство под силой Батыя.

Редет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут
бестрепетных братьев,
Уж кровь запеклася
в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы –
Евпатий!

1 апреля 1824

Примечания

Впервые опубликовано в «Новостях литературы», 1824, № 24. С. 189.

Евпатий Коловрат (1200–1238) – княжеский воевода, напоминающий былинного героя, мститель за обиды и поругания, нанесённые в 1237 году Рязанской земле ханом Батыем. Подвиг Евпатия отражен в древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем», написанной в начале XVI века. Скорее всего, коллизия, положенная в основу стихотворения, была почерпнута поэтом из «Истории государства Российского» (т. 3, гл. 8) Н.М. Карамзина, где говорится, что Евпатий, запоздало узнав о «нашествии иноплеменников», поспешил «в свою отчизну», но Батый уже выступил из её пределов. «Пылая ревностью отмстить врагам, Евпатий с 1700 воинов устремился вслед за ними, настиг и быстрым ударом смял их полки задние. Изумлённые татары думали, что мертвецы рязанские восстали». Однако «горсть великодушных не могла одолеть рати бесчисленной: Евпатий и смелая дружина его имели только славу умереть за отечество; немногие отделились в плен живые, и Батый, уважая столь редкое мужество, велел освободить их».